

Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры

Включение в мир человеческих отношений многочисленных медиумов и цифровых интерфейсов размывает границы между офлайн- и онлайн-средой. В статье выделяются основные свойства расширенной, или «удвоенной», повседневной реальности, выявляются ее новые качества в эпоху цифровой культуры, требующие новой рефлексии и теоретического осмысления. Важно понимать, каковы различия в изучении концепта повседневности в цифровую и доцифровую эпоху, как «работать» с повседневностью сейчас, каковы способы гуманитарного наблюдения за онлайн-повседневностью.

Ключевые слова: повседневность; офлайн; онлайн; цифровая культура; сингулярность; транспарентность.

Изучение современной повседневности, существующей в эпоху цифровой культуры, требует теоретического уточнения исследовательских подходов, разработанных еще в доцифровую эпоху. Несмотря на то что в современной гуманитаристике выработаны исследовательские подходы, позволяющие анализировать самый разный социальный, культурный и антропологический опыт, проблематика повседневности, связанная с развитием цифровых медиакommunikаций и интернет-технологий, занимает незаслуженно скромное место. Тогда как в новой ситуации расширения привычных границ повседневности важно понимать, каковы различия в изучении концепта повседневности в цифровую и доцифровую эпохи, как «работать» с повседневностью сейчас, каковы способы гуманитарного наблюдения за онлайн-повседневностью.

В работе мы опирались на исследования зарубежных и отечественных авторов, изучавших сферу повседневной жизни во множественных историко-культурных, социальных, коммуникационных контекстах. С нашей точки зрения, значимым подходом для современной трактовки повседневности является социологическая теория А. Шюца, который выдвинул ключевой для социального знания тезис о множественности реальностей [13], в которой пребывает человек. По Шюцу, повседневность, будучи одной из конечных областей значений, определяется как «верховная реальность», в ряду других миров научной теории, игры, фантазии, искусства, сновидений [12], и она связана с деятельной природой человека и его личностной вовлеченностью в мир социального действия и коммуникации. Во «множественной реальности» А. Шюца каждый из миров замкнут и обладает своей суверенностью, но только в повседневность человек погружен полностью, в отличие от других «конечных областей значений», где он участвует частично.

Как было отмечено ранее, в рамках социальной феноменологии произошла суверенизация повседневности как особого мира, несводимого к другим мирам. Понимая, что человеческие мотивы сложны и запутанны и их практически невозможно анализировать, А. Шюц (вслед за Э. Гуссерлем) формулирует «общий тезис о взаимозаменяемости перспектив», согласно которому взаимодействие и понимание людьми друг друга базируется на предположении, что мои партнеры по коммуникации видят мир так же, как и я сам. Следовательно, повседневность здесь понимается как общий, intersubъективно типизированный мир социально-

---

* Алла Владимировна Дроздова, канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург).

го действия и коммуникации, где мы имеем дело с привычными формами, типами взаимодействий (типические ситуации, мотивы и т. д.), которые представляют собой репертуар культурных моделей, используемых индивидами в практической деятельности.

Однако важно отметить, что для современной культуры тезис А. Шюца «о взаимозаменяемости перспектив» имеет ряд ограничений и требует, с нашей точки зрения, конкретизации и уточнения, обязательного соотнесения с реалиями современного общества. Этот тезис не отрицает наличия индивидуальных различий в восприятии мира, уникальности биографического опыта, но, тем не менее, подчеркивает, что повседневные взаимодействия возможны только тогда, когда действующие индивиды приобретают черты социальности – универсальности и безличности. Однако развитие современности складывается из противоречивых практик быстро изменяющегося общества, поэтому и повседневный мир человека с возрастанием мобильности и социальной неопределенности перестал быть устойчивым и стабильным.

Новые характеристики современности заставляют обратить внимание на разные, отличные друг от друга, «локусы» повседневности (городская/сельская, советская/постсоветская, офлайновая/онлайновая, частная/публичная и т. п.), на множественность и вариативность сценариев взаимодействия, плюральность норм и ценностей, которые могут противоречиво сосуществовать, дополняя друг друга. В текучем и мобильном пространстве коммуникаций, где одна реальность «набегает» на другую, где одновременно существуют разные социальные группы и сообщества, для которых актуальны принципиально отличные друг от друга правила и ценности, скорее можно говорить о фрагментарной, «лоскутной» повседневности.

Кроме того, нельзя не отметить, что парадокс повседневного взаимодействия людей заключается в том, что типическое не исключает ситуацию «лицом к лицу», в которую партнеры по коммуникации могут быть вовлечены не только функционально, но и сущностно. Поэтому если рассматривать повседневность как процесс, где происходит формирование и организация человека и общества, то не следует сводить ее к уже готовым образцам и ранее знакомым сценариям взаимодействия с другими людьми, к некоему известному набору свойств определенного типа. В современной ситуации повседневность, как сфера рутинного и типического, вместе с тем становится «местом образования смысла, открытия правил» [2, с. 47], именно здесь происходит пересечение традиции и инновации, определенных норм и отклонения от них.

Автор считает, что признание текучей и многомерной природы социальной жизни заставляет пересмотреть центральный тезис феноменологии повседневности о «множественности миров» как «замкнутых» и «конечных» областей смысла, теперь сама «верховная реальность» начинает рассматриваться как сложно структурированный мир, переставший быть единым. В новой перспективе исследования повседневность обнаруживает свое сложное и противоречивое содержание, несводимое к ранее существовавшим универсальным формам рутинного взаимодействия людей; более того, повседневность становится гетерогенной реальностью, местом пересечения разных жизненных миров, где граница между мирами больше не замкнута. Изменившийся эффект «присутствия» человека в мире, его одновременная принадлежность сразу двум мирам – реальному (офлайновому) и цифровому (онлайновому) означает не только повседневное проживание в них, но и ценностно-смысловой переход внешнего во внутреннее, индивидуального в массовое, частного в публичное. При этом специфика цифровой среды начинает приобретать признаки самостоятельной реальности, влияющей на виды человеческой деятельности и практики повседневности в офлайновой среде.

Анализ «повседневных способов делания», или практик взаимодействия, является важным для исследования концепта повседневности. В этой связи в рамках нашего изучения особый интерес представляют такие разные по исследовательским установкам авторы, как Э. Гидденс [3], Н. Элиас [14], М. де Серто [9], Л. Болтански и Л. Тевено [1], которые в рамках практической парадигмы изучали «детали» повседневности, плюрализм социальной жизни, множественные и разнородные формы включенности в мир. Значимость понятия «практика» трудно переоценить для культурологических исследований современной повседневной жизни, так как обращение к множественным конкретным частным практикам позволяет вывести их из зоны незамечаемых и потому нерелевантных действий. Так, в работе «Изобретение повседневности» де Серто обращает внимание, прежде всего, на то, что повседневность представляет собой не столько реализацию норм и вынужденного подчинения правилам и схемам, сколько импровизацию, «уловки», «браконьерство», «процедуры повседневной изобретательности» тех, кого «обычно считают обреченными на пассивность». Следует отметить, что интерес исследователя перемещается от «пассивной неподвижной фигуры» индивида к актору, способному к повседневному анонимному творчеству, которое проявляется в будничных актах потребления, обустройстве быта или освоении городского пространства.

Между тем акторная позиция де Серто, распространенная на изучение стратегий и тактик повседневных действий, также требует расширения анализа. В цифровой современности следует учитывать, что практики повседневности постоянно обновляются и множатся в принципиально другом пространстве – пространстве Интернета, именно здесь формируются новая интерактивная среда, новые коммуникативные смыслы и способы взаимодействия. На смену линейному принципу традиционных медиакоммуникаций пришел новый, нелинейный, т. е. веерный (рандомный), доступ к Интернету, позволяющий в онлайн-режиме быть связанным одновременно с множеством других пользователей. Посредством цифровых изображений пользователи в социальных сетях не просто делятся контентом, но и становятся просьюмерами, актерами, маркируя разные сценарии представления себя в повседневной жизни, они производят то, что соответствует своему и чужому интересу. Так, с появлением социальных сетей и блогинга формируются совершенно другие, не имеющие ранее прецедентов культурные практики просьюмеризма, которые характерны для человека активного, самостоятельно обустрояющего среду своего проживания, принимающего экономические решения, вовлеченного в производство культурных продуктов и смыслов.

Очевидно, что в цифровой среде формируются новые культурные практики и новый субъект, который способен самостоятельно «отстраивать» свои привычки и правила, обучаться, обретать новые профессиональные навыки и умения, формировать свой круг общения, создавать новые формы высказывания. Подобного рода практики до недавнего времени было сложно себе представить, поскольку они были закреплены за определенными элитами, но теперь можно говорить о демократизации культурного и социального производства, где каждый пользователь – и потребитель, и актер. Здесь важно отметить и еще одну важную характеристику современных повседневных практик, принадлежащих к тактическому типу (покупать, готовить, писать, путешествовать, работать): они перестали быть анонимными, так как получили возможность быть показанными разными медиа, в том числе и новыми, сетевыми, превращая любое рутинное действие из непроницаемого в очевидное для других.

В многообразии подходов к исследованию повседневных практик выделим программу И. Гофмана, для которого повседневный мир – событийный порядок непосредственного взаимодействия людей, в основе которого лежат устойчивые

формы интерпретации опыта – фреймы. В работе «Представление себя другим в повседневной жизни» [4] Гофман изучал способы и действия, с помощью которых индивид, как искусный актер, создает версию себя. Более всего Гофмана интересуют перформативные аспекты этого процесса, знаковая оснастка и инструментарий, позволяющий управлять создаваемым впечатлением, достигая взаимопонимания и социального взаимодействия. С нашей точки зрения, гофмановский фрейм-анализ как схема интерпретации повседневной коммуникации может быть использован в современной ситуации для изучения онлайн-коммуникации, моделей самопрезентации и контента социальных медиа.

Однако важно понимать, что фреймы «исполнения себя», анализируемые Гофманом, получают дополнительное измерение в новой ситуации. Сетевой характер медиа обозначил целый ряд проблем изучения теперь уже цифровых коммуникативных практик. Их растущее число обусловило трансформацию повседневных рутинных взаимодействий, реальных связей и отношений, расширило границы конструирования и презентации себя в онлайн-режиме, сделав эти практики обязательными для рядовых пользователей социальных сетей. Важной характеристикой произошедшего культурного сдвига является «производство самости», создание «версии себя» в опосредованной цифровыми технологиями онлайн-культуре. Так, если в традиционных медиа представление себя другим было уделом знаменитостей и политиков, то сейчас каждый желает быть вовлеченным в публичную сферу. Пользователи строят свой образ и конструируют расширенную идентичность при помощи лайков, различных профилей, картинок, выстраивая уровни и группы своих друзей, они тем самым заботятся о росте своей аудитории. Иными словами, с помощью онлайн-инструментов происходит одновременное представление себя как персонажа и как спектакля [7, с. 146]. Эту тенденцию нам удалось подтвердить в рамках исследования репрезентации повседневности в социальных сетях; мы зафиксировали, что конструирование повседневности осуществляется через самопрезентацию, или собственный жизненный мир пользователя.

Изменения, связанные с трансформацией структуры коммуникации в повседневном мире, рассматриваются в работах Ю. Хабермаса [11, с. 20]. Несмотря на то что его концепция публичной сферы (коммуникативной рациональности) воплощает идеальную модель взаимодействия, она обретает новое звучание в связи с расширением границ повседневной жизни в онлайн. Растущее в социальных сетях производство себя указывает на желание аудитории пользователей быть вовлеченными в публичную сферу, но не в ту, легитимирующую власть, о которой писал Ю. Хабермас. Для того чтобы описать способы представления себя в повседневной онлайн-коммуникации, необходимы новые категории, раскрывающие в более широком смысле публичную сферу. Отметим, что в рамках традиционного социологического видения без учета остаются изменения режимов частной и публичной вовлеченности, а также новые модели идентификации, влияющие на практики повседневной жизни. Используя технологические возможности социальных медиа, теперь уже не только «звезды», но и обычные пользователи попадают в эпицентр повышенного общественного интереса, самостоятельно, без продюсирования они расширяют пространство публичного Я. Частная жизнь, в ее самых простых и ординарных проявлениях (приготовление пищи или хождение по магазинам), стала неотъемлемой частью публичного дискурса в социальных медиа, здесь в онлайн-форматах она постоянно воспроизводится и редактируется для поддержания востребованности и интереса к индивиду, его онлайн-идентичности.

Важно понимать, что современная повседневная жизнь обладает «ускользающей» сущностью. Выявить ее общую связанность в изменяющемся многообразии индивидуальных практик – означает выделить ключевые точки «сборки» социо-

культурной реальности, которые сцепляют в единый жизненный мир события повседневной жизни. Так, в традиционной культуре формы рефлексии обыденного были связаны с преданиями, мифами, которые закреплялись в «формульных» текстах житейской мудрости – пословицах, поговорках, позднее важную роль стали играть художественная и мемориально-дневниковая литература, журналы и газеты, нарративность которых являлась своеобразным «социальным клеем» [10] и способом фиксации жизненного мира в слове. В современной культуре эта роль в полной мере принадлежит визуальным образам и изображениям, транслируемым разными медиа. Теперь они задают композиционную рамку нашего видения, через которую мы наблюдаем, оцениваем, рефлекслируем происходящие изменения. Они из очевидного средства превратились в особое зеркало, помогающее ориентироваться в мире, в способ рефлексии и конструирования жизненных миров. Специфика современной ситуация такова: то, что мы переживаем как наш повседневный мир, по сути является репрезентацией действительности, задающей рамку для наших мнений и убеждений, целей и потребностей, образов и понятий.

И здесь важно подчеркнуть, что принципиальным моментом современной трансформации повседневности стал иной подход в использовании визуальной информации. Если в эпоху рукотворного образа и живопись, и графика были делом либо узкого круга ценителей, либо небольшого круга людей, то сегодня с развитием новых цифровых средств коммуникации изменения повлияли даже не столько на функции и статус образов, сколько на стиль жизни, габитус современного человека, способы его взаимодействия со средствами информации. К тому же сетевые изображения сразу помещены в интерактивный контекст, а значит, дополнены и насыщены эмоциональными реакциями других пользователей, чье восприятие только усиливает их первоначальную экспрессию и чувственность, позволяя мгновенно коммуницировать, откликаться на событие.

Именно эта проблема «визуального расширения» повседневности определила еще один корпус теоретических источников, связанных с анализом феномена визуального, его роли в современной медиакультуре. С разных дисциплинарных позиций в работах Дж. Элкинса, М. Баль, Н. Трифта, К. Мокси, Г. Бальтинга, С. Альперс, Д. Дракер визуальность рассматривается как основная черта современного общества. Снимая вопрос об уникальности, неповторимости визуального образа как эстетического объекта, авторы отсылают нас к изучению изменившихся структур и отношений в жизненном мире, к тем условиям существования современной культуры, которые связаны с использованием средств технического тиражирования изображений. Но заметим, что интерпретативный анализ визуальных материалов доцифровой эпохи имел дело только с графическими и фотографическими изображениями, которые сегодня вытесняются «постфотографическими», или цифровыми, расширяющими сферу видимого, изменяющими практики видения и самого актора, ставшего потребителем и производителем образов. Поэтому для изучения визуального важно осмыслить этот процесс, чтобы приблизиться к пониманию репрезентации множественных микроконтекстов повседневной жизни и производства визуальных образов.

В исследованиях визуального Дж. Элкинса и М. Баль вне научного рассмотрения оказалась взаимосвязь современных практик видения и новых способов визуализации повседневного мира, которые скрепляют фрагментированную повседневность, образуя единство многообразия социальной структуры, поскольку с помощью визуальных образов объективизируется, опредмечивается и укореняется некая общая для всех реальность, которая переводится на язык видимых форм. Вместе с тем новые свойства визуальной культуры, ставшей цифровой, проблематизируют не только сам характер видения и видимого, но и изменения традиционных взаимоотношений между создателем и зрителем, а также сами способы пе-

редачи культурных смыслов и ценностей. Так, скорость и огромный поток опосредованных сетевых образов, безусловно, вступают в противоречие с традиционной, укорененной тысячелетиями культуры, статикой нашего восприятия; современный человек учится быстро считывать культурные коды, не всегда адаптируясь к симультанной множественности образов.

Ключевая роль в трансформации концепта повседневности принадлежит медиа. Перспективным, на наш взгляд, в условиях современного медийного общества является подход Н. Лумана, позволяющий показать, что коммуникация имманентно присуща повседневности, укоренена в ней, поскольку «коммуницируемым становится весь мир и место «феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации» [8, с. 152]. Луман считает, что именно новые средства коммуникации обусловили в современной культуре переход общества от иерархического к гетерархическому порядку, т. е. сетевым контактам, многообразным системным отношениям, которые в свою очередь определяют плюральность повседневной жизни. И если жизненный мир у Гуссерля был смысловым феноменом сознания, то у Лумана он выступает как смысл, который конструируется в коммуникации, проявляясь не в «ощущениях», а в медиа и опосредованных вербальных или визуальных текстах.

Изменения последнего десятилетия в мире медиа только усилили тезис Н. Лумана о «реальности массмедиа». Можно констатировать, что современная медиакultura – это конвергенция традиционных и новых форм коммуникации, которые всё больше и больше вовлекаются в повседневную жизнь. Но именно изменяющаяся и формирующая среда новых медиа стала основанием для переосмысления самой ситуации повседневной коммуникации ее кодов и репрезентации агентов. Включенность в мир человеческих отношений многочисленных медиумов (традиционных и новых), диктующих свои правила, не только «расширила возможности» человека, но и привела к «нелинейному», сетевому принципу коммуникации.

Включение в мир человеческих отношений многочисленных медиумов и цифровых интерфейсов размывает границы между офлайн- и онлайн-средой. В этих условиях повседневное пространство жизни приобретает еще одно онлайн-новое измерение, куда переносятся и способы наших рутинных действий, и способы коммуникации с другими людьми. Новая среда жизни человека, расширенная интернет-технологиями, носит двойственный характер: с одной стороны, она структурирована и стратифицирована офлайновыми вариантами и типичкой социальных взаимодействий, а с другой – функционирует по своим собственным законам, обладая собственными социальными отношениями и сообществами. Онлайн-повседневность как особая и самоценная реальность с собственной онтологической логикой и феноменологией существует в режиме реального времени и имеет собственное пространство, со своими способами «передвижения» и своим горизонтом выбора. Интернет-реальность, как отмечает Л. Закс, это «уникальная по своей функциональной универсальности культурная институция, которая одновременно банк и магазин, биржа и аукционный дом, почта и собес, библиотека и архив, консалтинговая служба и кинотеатр, музей и концертный зал, научная организация и дискуссионная площадка, игротка и всезнающее справочное бюро, служба знакомств и разведслужба, образовательная организация и работающий на гигантскую аудиторию массовик-затейник» [5]. В онлайн-среде человек получает еще одну среду, где апробируются разные модели социальных действий и потребностей, которые воспринимаются пользователями как реальные проявления своей жизни. Сегодня в полной мере можно говорить о специфике сетевой реальности, которая выражается в интернет-практиках, интернет-существовании,

интернет-общении, интернет-самовыражении, оказывающих влияние и на мир «большой» повседневности.

В этом контексте одна реальность может восполнять и дополнять другую. Так, повседневная онлайн-коммуникация, заданная интерактивным форматом социальных медиа, создает свободный обмен информацией «от пользователя к пользователю», приводит к развитию эгалитарной культуры совместного производства контента, но в то же самое время характеризует другую тенденцию офлайн-реальности – атомизацию и коммодификацию социальной жизни и отношений. Транспарентность и пересечение двух сфер повседневности конституирует новые характеристики повседневности: неустойчивость паттернов, сценариев частной жизни, сетевой, «рандомный» тип коммуникации, сокращение дистанции частного/публичного, далекого/близкого, визуализацию индивидуального опыта, самопрезентацию и конструирование образа себя и, как следствие, множественность способов идентификации в онлайн-среде, требующую новой рефлексии и теоретического осмысления.

В современной гуманитаристике проблематике современной медиасферы посвящено немало работ, связанных с изучением нового « сетевого характера » социальных взаимодействий, возникающих в ходе интеракций и определяющих современную повседневную жизнь. Так, Г. Дженкинс [15] в качестве основной характеристики онлайн-коммуникации называет партиципацию, Б. Веллман [16] рассуждает о новом характере социального взаимодействия и способах создания сообщений в новых медиа, Г. Ловинк [6] обращает внимание на то, что с развитием типовых информационных действий (использование лайков, репостов, добавление в группу новых друзей) происходит упрощение сложности коммуникации и, главное, – уменьшение свободы пользователя. Но необходимо отметить, что такая постановка исследовательского вопроса сводится только к рассмотрению специфики, следствий функционирования новых медиа и не учитывает логику взаимовлияния и взаимодействия цифровой реальности с повседневными практиками. Тогда как, с нашей точки зрения, главным является вопрос о том, что в «превращенной» повседневности человек основывает свой опыт визуального наблюдения не только на информации, которую он получает через органы зрения, но и, все чаще, через контакт с монитором компьютера или экраном гаджета. Поэтому для анализа повседневности важно проблематизировать то, как одна реальность пересекается с другой, как трансформируются практики и варианты их визуального представления.

Как мы отмечали, современный повседневный мир является миром технически опосредованной коммуникации, и способами его сцепления выступают медиа, которые как в офлайн-, так и в онлайн-среде тиражируют визуальные образы. Визуальные изображения не только репрезентируют «множественность миров» повседневной жизни, они также придают оптическую согласованность этим разным мирам, экономят когнитивные усилия пользователей, задают типические режимы взаимодействия и правила ролевого функционирования. В отличие от анонимной типики «ожидаемого сходного опыта» (А. Шюц), социальные медиа создают свою типичку – самопоказа, вынуждая пользователя обратиться к внесетевым событиям частной жизни, сделать видимыми свои личные действия, отношения и переживания как для презентации Другому, так и на уровне сетевой политики с целью регистрации никнейма. Визуализация частного опыта приводит к «детерриториализации частного», размыванию привычных границ партикулярного пространства. Вместе с тем, рассчитанная на «взгляд и оценку другого», повседневная жизнь становится проектно-сконструированной, опосредованной интересами и видением Другого.

Таким образом, учитывая имеющийся опыт исследования повседневности в современном гуманитарном знании, мы ввели ряд ограничений, существующий в определениях повседневности, который связан с новым социальным и культурным контекстом, в котором повседневная жизнь развивается. Во-первых, в современном обществе повседневность представляет собой текучую, непрерывную, трансформирующуюся реальность, и она не может регулироваться ранее сложившимися традиционными и стабильными образцами интерпретации и типизации. Во-вторых, смысловое пространство «жизненного мира» человека воспроизводится в качественно новых формах повседневных практик, быстро меняющихся под воздействием медиа и цифровых средств коммуникации. Коммуникативное пространство повседневности представляет собой все больше неразделенный опыт существования человека в цифровой и внецифровой среде. В-третьих, в современной культуре изменяются способы и средства представления многообразных миров, и таким инструментом «схватывания реальности» выступают визуальные изображения, массово тиражируемые медиа.

Новые смысловые ориентиры современности имеют важное значение для обоснования авторской концепции изучения повседневности как сферы множественных коммуникативных взаимодействий, которые сцепляются друг с другом посредством как традиционных, так и социальных медиа, образуя новую медийную и оцифрованную среду существования человека, с новыми режимами вовлеченности и практиками типизации «лицом-к-лицу». В свете этого обсуждения можно констатировать, что все три важных для нашего исследования понятия – «повседневность», «визуальность» и «медиа», – имеющие свою интеллектуальную историю, с точки зрения другой, текучей современности требуют критического осмысления и обновления исследовательских подходов. Кардинальные изменения, которые происходят в стилях жизни, обыденном опыте вследствие цифрового поворота, появления персональных средств и сред потребления информации, распространения сервисов «пользовательского веба», интенсивности коммуникации и ее ориентации на визуальный контент, позволили перенастроить оптику изучения повседневности как новой, расширенной реальности.

Литература

1. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеневой ; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1 : Общество и сферы смысла. – М. : Прогресс, 1991. – С. 39–50.
3. Гидденс Э. Последствия современности. – М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 354 с.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева – М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 304 с.
5. Закс Л. А. К исследованию аксиологии Интернета // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 : Общественные науки. – 2016. – Т. 11, № 3 (155). – С. 11–24.
6. Ловинк Г. Психопатология информационной перегрузки // Медиа: между магией и технологией / под общ. ред.: Н. Н. Сосна, К. Е. Федорова. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – С. 232–240.
7. Маршалл Д. Продвижение и предъявление себя: селебрити как символ презентационных медиа // Логос. – 2016. – Т. 26, № 6. – С. 137–160.
8. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. – М. : Весь мир, 2012. – 248 с.
9. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

10. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10, № 3. – С. 4–19.
11. Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов // Между натурализмом и религией : философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. – М. : Весь мир, 2011. – С. 15–25.
12. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; Научн. ред. пер. Г. С. Батыгин. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
13. Шюц А. О множественности реальностей / пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3, № 2. – С. 3–34.
14. Элиас Н. О процессе цивилизации. – М. : Университетская книга, 2001. – Т. 1–2. – 332 с., – 382 с.
15. Jenkins H., Clinton K., Purushotma R., Robison A. J. Weigel M. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. – Cambridge : MIT Press, 2009. – 72 p.
16. Rainie H., Wellman B. Networked: The new social operating system. – Cambridge : MIT Press, 2012. – 358 p.

Alla Vladimirovna Drozdova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
head of Advertising Chair at Social Psychology department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Conceptualization of Everydayness in the Epoch of Digital Culture

The inclusion of diverse media and digital interfaces into the world of human relationships dilutes boundaries between offline and online environment. The article singles out key properties of expanded or “doubled” everyday reality, identifies its new features requiring further reflection and theoretical comprehension in the age of digital culture. It is essential to grasp what differences exist in the digital and pre-digital epochs, how one should “handle” everydayness at present, what ways human sciences can use to monitor online-everydayness.

Key words: everydayness; offline; online; digital culture; singularity; transparency.